

Научная статья

УДК 378.18

DOI: 10.18384/2949-5148-2026-1-89-95

ПОЛИТИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ: ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ И ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Джавад О. В.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, Российская Федерация

e-mail: dzhavad_ov@rudn.ru

Поступила в редакцию 26.12.2025

После доработки 18.01.2026

Принята к публикации 29.01.2026

Аннотация

Цель. Выявить политические измерения культуры безопасности и проанализировать её роль в процессах легитимации государственной власти.

Процедура и методы. Методологическую основу составляет критический дискурс-анализ в сочетании с концепцией М. Фуко о биовласти, а также теориями У. Бека и Э. Баумана об обществе риска.

Результаты. В статье доказывается, что культура безопасности не является нейтральным набором практик, но представляет собой политизированный конструкт, используемый для конструирования угроз, нормализации чрезвычайных мер и технологизации социального контроля. Это заключается в демонстрации двойственной природы культуры безопасности, выступающей одновременно условием возможности свободы и инструментом её ограничения, что порождает социально-философское противоречие между требованием безопасности, принципами демократического общества и личной автономии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Автором вводится и раскрывается категория «политическая грамматика безопасности», описывающая способ, с помощью которого дискурс безопасности становится языком власти.

Ключевые слова: культура безопасности, легитимация власти, социальный контроль, биовласть, управление рисками

Для цитирования:

Джавад О. В. Политизация культуры безопасности: легитимация власти и технологизация социального контроля // Современные философские исследования. 2026. № 1. С. 89–95. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-1-89-95>.

Original research article

POLITICIZATION OF SECURITY CULTURE: POWER LEGITIMIZATION AND SOCIAL CONTROL TECHNOLOGIZATION

O. Dzhavad

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation
e-mail: dzhavad_ov@rudn.ru

Received by the editorial office 26.12.2025

Revised by the author 18.01.2026

Accepted for publication 29.01.2026

Abstract

Aim. To identify the political dimensions of the security culture and analyze its role in the processes of state power legitimization.

Methodology. The methodological basis of the study is formed by critical discourse analysis cooperated with M. Foucault's concept of bio-power, as well as the theories of W. Beck and Z. Bauman about risk society.

Results. It is demonstrated that security culture is not a neutral set of practices, but rather a politicized construction employed in constructing threats, normalizing emergency measures, and technologizing social control. The analysis reveals the dual nature of safety culture, which simultaneously functions as a precondition for freedom and as an instrument of its limitation, giving rise to a social-philosophical tension between the imperative of security and the principles of democracy and personal autonomy.

Research implications. The author introduces and elucidates the concept of the "political grammar of security," which delineates the way security discourse functions as a discursive mechanism through which authority is legitimized and power is institutionalized.

Keywords: security culture, legitimization of power, social control, bio-power, risk management

For citation:

Dzhavad, O. V. (2026). Politicization of Security Culture: Power Legitimization and Social Control Technologization. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, 89–95. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-1-89-95>.

Введение

Традиционно безопасность рассматривалась как отсутствие угрозы, как состояние защищённости. В современной социальной философии и политологии это понятие трансформируется: безопасность становится активным процессом, дискурсивной практикой, в рамках которой конструируются объекты угрозы, очерчиваются границы «своих» и «чужих», а также легитимизируются вмешательства в общественную жизнь [1, p. 46]. Культура безопасности, таким образом, возникает не как пассивное отражение опасностей, а как исторически опосредованная форма построения реальности, в которой определённые феномены, будь то терроризм, миграция, пандемия или экологический кризис, возводятся в ранг экзистенциальных угроз.

Особое значение в этом процессе имеет медиа-конструирование угроз. Как отмечает К. Барнс, медиа-нарративы играют ключевую роль в «семиотизации» опасности – превращении статистических данных в драматические сценарии, активизирующие тревогу и требующие мгновенного вмешательства со стороны власти [2, p. 14]. Например, в ходе пандемии COVID-19 распространение вируса транслировалось

не только как биологическая угроза, но и как угроза национальной безопасности, что позволило государствам вводить чрезвычайные меры без традиционного парламентского контроля [3, p. 284].

Такой процесс созвучен теории «секьюритизации» Оле Вевера, в которой утверждается, что безопасность – это не данность, а речевой акт, т. е. феномен становится «секьюритизированным», когда он представлен как существенная угроза, требующая выхода за рамки нормальных политических процедур [1, p. 75]. Секьюритизация позволяет власти легитимировать исключительные меры – от контроля над данными до ограничения свободы передвижения – под гедонистическим лозунгом «ради вашей же безопасности».

Этот механизм не нейтрален. Он предполагает выбор: одни риски (например, терроризм) секьюритизируются, тогда как другие (например, бедность или неравенство) остаются в сфере «обычной» политики. Таким образом, культура безопасности становится дискурсивным инструментом, способным структурировать политическое внимание, распределять ресурсы и конструировать иерархии угроз, что напрямую связано с политической легитимацией.

Культура безопасности в рамках категории «политической грамматики безопасности»

Таким образом, современный социум всё чаще характеризуется как «общество риска», в котором на первый план выходит проблема безопасности как центральная оппозиция к хаосу, угрозе и непредсказуемости [4, р. 99]. Однако безопасность – не только техническая или прикладная проблема управления рисками, но и глубоко политический феномен, пронизывающий социальные, культурные и институциональные практики. Культура безопасности, формируясь под влиянием государственных и медиа-дискурсов, становится не просто ответом на реальные угрозы, но и механизмом легитимации государственной власти, технологизации социального контроля и конструирования публичной морали. Понятие «культура безопасности» прочно вошло в лексикон современных социальных и политических наук, обозначая комплекс ценностей, установок, норм и практик, направленных на минимизацию рисков и обеспечение защищённости индивида и общества. Однако за видимой нейтральностью и технической обоснованностью данного концепта скрывается глубокое политическое содержание. Культура безопасности всё чаще функционирует не столько как защитный механизм, сколько как эффективный инструмент легитимации власти и технологизации социального контроля. Цель данного исследования – деконструировать этот процесс, выявив социально-философские и политические импликации культуры безопасности.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) показывается, как культура безопасности используется в качестве инструмента управления рисками и конструирования угроз; 2) анализируются механизмы «нормализации» чрезвычайных мер в повседневной жизни с опорой на концепцию М. Фуко; 3) исследуется социально-философский феномен морали безопасности как основы патернализма и ограничения гражданских свобод;

4) рассматривается имманентное противоречие между императивом безопасности, принципами демократии и личной автономии.

В условиях «общества риска» производство и управление рисками становится центральной функцией государства [4, р. 102]. Культура безопасности представляется ключевым механизмом в данном процессе. Важно понимать, что риски представляют собой не просто объективные факты, подлежащие измерению, – они социально и политически конструируются. Государство, обладающее монополией на легитимное насилие и экспертные знания, занимает привилегированную позицию в определении угрозы и её масштабов, обосновывает необходимые меры реагирования [4, р. 108].

Как справедливо отмечает Зигмунд Бауман, страх становится ключевым ресурсом управления в «текущей современности» и раскрывается в контексте безопасности. Страх перед террористическими угрозами, который, согласно Бауману, «вытягивается» средствами медиа-информации, становится основанием для расширения полицейского надзора, внедрения биометрических технологий и нормализации постоянного мониторинга в публичных пространствах. Таким образом, Бауман показывает, что страх в «текущей современности» переходит от субъективного чувства к коллективному ресурсу, используемому институтами для легитимации и укрепления механизмов управления. Это подтверждает его тезис о центральной роли страха в вопросах обеспечения безопасности как управленческого инструмента в постмодернистском обществе [5, с. 26].

Таким образом, политизация культуры безопасности заключается в активном продуцировании и канализации коллективных страхов (перед терроризмом, эпидемиями, кибератаками, миграцией), которые затем используются для оправдания расширения властных полномочий. По мнению автора статьи, этот процесс можно описать через категорию «политической грамматики безопасности». Данная грамматика пред-

ставляет собой систему дискурсивных правил и практик, в рамках которой:

– агент власти позиционируется как единственный гарант безопасности;

– угроза определяется через дискурс чрезвычайного положения, требующего незамедлительных действий.

– гражданин конституируется как уязвимый объект, нуждающийся в защите.

Под грамматикой понимается не просто словарь терминов («угроза», «риск», «защита»), но и синтаксис власти – способ употребления этих терминов для производства легитимности, исключения, нормализации.

В этой грамматике в предложениях условно можно распределить роли главных и второстепенных членов следующим образом: подлежащее – государство как «заботящийся субъект»; сказуемое – действия, направленные на «защиту»; дополнение – население как «опекаемый объект». Особая, хоть и несинтаксическая, роль у предлога – «ради безопасности». В подобном «синтаксисе» незаметен контроль, который представляется заботой. Он исключает альтернативные интерпретации: если кто-то говорит «я против маски», он автоматически выходит за рамки грамматики и становится бессмысленным в коммуникативном поле.

Предлагаемая категория «политическая грамматика безопасности» призвана метафорически теоретизировать механизм, с помощью которого безопасность становится языком власти. Эта грамматика – не просто риторика, но структурирующий механизм власти, формирующий не только поведение, но и саму возможность мышления. Согласно этой категории, культура безопасности трансформируется из набора технических мер в язык (грамматику), на котором власть говорит с обществом, легитимируя своё вмешательство в самые различные сферы жизни.

Анализ механизмов «нормализации» чрезвычайных мер в концепции М. Фуко

Для понимания механизмов внедрения культуры безопасности в ткань повседнев-

ности фундаментальное значение имеет работа Мишеля Фуко о биовласти и дисциплинарных обществах [6, с. 264]. Фуко показал, что современная власть функционирует не через прямое подавление, а через управление жизнью (биовласть) и производство «послушных тел» с помощью дисциплинарных технологий (надзор, нормализация, контролирование) [7, с. 41]. Примером может служить система видеонаблюдения в общественных пространствах. Несмотря на то, что изначально камеры устанавливались как мера борьбы с терроризмом, сегодня они воспринимаются как естественная часть урбанистической инфраструктуры. Фуко вводит понятие «пастырской власти», где правительство оправдывает своё вмешательство в жизнь граждан идеалом заботы [6, с. 267]. Это «нормализация чрезвычайного» – процесс, при котором исключительные меры (например, цифровые паспорта, трекинг смартфонов) становятся частью нормального порядка, встраиваясь в инфраструктуру повседневности.

Культура безопасности эксплуатирует эту модель: граждане добровольно отказываются от приватности, потому что воспринимают слежку как форму заботы. Отношение населения к мерам, изначально воспринимаемым как чрезвычайные (массовый надзор, биометрический контроль, цифровое отслеживание контактов, превентивные задержания граждан), постепенно нормализуется посредством их постоянного дискурсивного повторения и интеграции в рутину жизни. Они становятся невидимой, «естественной» частью ландшафта повседневности [8, с. 120]. Пандемия COVID-19 стала ярким примером такой нормализации: отслеживание передвижений, обязательная вакцинация и система QR-кодов, введённые как временные меры, во многих странах стали рассматриваться как потенциально обыденные элементы инфраструктуры безопасности.

Государство, апеллируя к высшей ценности – безопасности жизни населения (биовласть), получает карт-бланш на внедрение дисциплинарных практик, которые

в ином контексте были бы восприняты как грубое нарушение прав человека [9, с. 185]. Как отмечает Джорджо Агамбен, развивая мысль Фуко, чрезвычайное положение становится парадигмой современного управления, стирая границу между нормой и исключением [10, р. 17].

Социально-философский феномен морали безопасности

Следствием описанных процессов становится формирование особого типа морали – «морали безопасности» (security morality). Её центральный императив гласит: «безопасность любой ценой есть высшее благо». Эта мораль основана на патерналистском подходе: гражданин добровольно отказывается от части своих свобод и прав приватности в обмен на обещание защищённости, которое даёт государство-«отец».

Данный феномен создаёт мощный легитимирующий эффект. Любые критические высказывания в отношении мер безопасности сразу же маркируются как безответственные, аморальные и ставящие под угрозу «общественное благо». Критика власти подменяется критикой «безрассудного поведения» индивида, который отказывается подчиняться мерам защиты. Таким образом, дискуссия смещается с вопроса о пределах власти на вопрос о дисциплине и послушании индивида [11, с. 26]. Как отмечает Франко Биффо, в условиях «войны с террором» или «пандемии» демократические процедуры заменяются экспертно-технократическими решениями, подкреплёнными страхом [12, р. 95].

Как демонстрирует в своих работах Дэвид Лайон, развитие «общества надзора» является не просто технологическим, но и глубоким этическим и социально-философским процессом, формирующим новую конфигурацию отношений между гражданином и государством [13, р. 16]. По мнению Лайона, в обществе, ориентированном на безопасность, слежка легитимизируется не как репрессия, а как забота: «Мы за вами наблюдаем, чтобы вы были в безопасности». Таким образом, чрезвычайное наблю-

дение за всеми без подозрения становится повседневным, «нормализованным» [13, р. 26]. «Мораль безопасности» оправдывает превентивную логику: подозревать всех заранее, чтобы предотвратить потенциальный ущерб. Это ведёт к эрозии презумпции невиновности, права на приватность и свободу собраний – фундаментальных столпов либеральной демократии [14, р. 270].

Противоречие между императивом безопасности и личной автономией

Императив безопасности, проистекающий из прагматической необходимости защиты коллективных благ, часто оформляется в виде нормативного предписания, которое оправдывает ограничительные меры в отношении индивидуального поведения. Такие меры неизбежно вступают в противоречие с принципами демократии, основанными на равенстве граждан, их праве на участие в общественно-политическом дискурсе и свободе выражения волеизъявления. На уровне личной автономии данный конфликт проявляется в виде напряжения между требованием самоопределения индивида и навязываемыми сверху ограничениями, ограничивающими его свободу выбора. Социально-философское имманентное противоречие раскрывается в том, что безопасность выступает не только как гарантия, но и как средство контроля, превращаясь в язык власти, посредством которого институциональные структуры легитимируют своё вмешательство. В этом контексте язык безопасности становится идеологическим аппаратом, который зачастую трансформирует политические нормы в технические требования. Следовательно, демократический дискурс вынужден переосмысливать границы допустимых ограничений, чтобы обеспечить согласованность между защитой государственных интересов и уважением к личной автономии. Таким образом, анализ имманентного противоречия между императивом безопасности и демократическими принципами выявляет фундаментальную дилемму: как сохранить

подлинную демократичность, не превратив безопасность в инструмент доминирования и подавления?

Это подводит нас к центральному противоречию, имманентно присущему политизированной культуре безопасности. С одной стороны, безопасность является необходимым условием для осуществления свободы и автономии индивида. Без минимального уровня защищённости и предсказуемости невозможно ни осуществление гражданских прав, ни само существование демократического общественного пространства. В этом аспекте культура безопасности выступает условием возможности свободы.

С другой стороны, неограниченное стремление к тотальной безопасности неизбежно ведёт к установлению режима контроля, который подавляет саму возможность свободы. Аксиоматическое требование «абсолютной безопасности» является тоталитарным по своей сути, поскольку для его достижения требуется тотальный контроль, не оставляющий места для спонтанности, анонимности и риска – неотъемлемых спутников свободного общества. В этом аспекте культура безопасности раскрывает свою репрессивную природу.

Демократическое общество, таким образом, постоянно балансирует на между этими двумя полюсами. Его устойчивость зависит от способности поддерживать рефлексивное и критическое отношение к самому дискурсу безопасности, оспаривая монополию власти на определение угроз и отказываясь от тотальной «морали безопасности» в пользу этики ответственности и соразмерности.

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что культура безопасности в современном мире представляет собой сложный политико-философский феномен, далёкий от технической нейтральности.

Механизмы этой легитимации, проанализированные через призму концеп-

ции М. Фуко, заключаются в нормализации чрезвычайных мер, их интеграции в повседневные дисциплинарные практики и формировании особой «морали безопасности», основанной на патернализме и добровольном отказе от свобод. Однако это порождает фундаментальный парадокс: императив безопасности, будучи условием свободы, при своём гипертрофированном развитии превращается в инструмент её отрицания.

Культура безопасности – феномен двойственный. С одной стороны, она обеспечивает защиту от реальных угроз, способствует стабильности, охраняет жизнь граждан. С другой – становится инструментом легитимации ряда авторитарных практик, технологизации контроля, патернализма и подавления автономии. В её политизированной форме безопасность – не просто потребность, но стратегия власти, в которой тревога, риск и угроза зачастую становятся ключевыми ресурсами для консолидации общества в медийном и политическом дискурсе.

При этом вводимая категория «политической грамматики безопасности» позволяет вскрыть символические и языковые механизмы, через которые безопасность легитимирует вмешательство власти в жизнь граждан, обеспечивая себе возможности для реализации масштабных программ социального контроля.

В условиях глобальных кризисов – климатических, эпидемиологических, военных – безопасность будет оставаться центральным социально-философским и политическим дискурсом. Однако именно поэтому критическая рефлексия над её дискурсивными формами и социальными последствиями становится не просто возможной, но необходимой. Следовательно, критическая задача современной социально-политической философии состоит в анализе новых подходов к изучению и интерпретации безопасности в современном научном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Waever O. Securitization and Desecuritization // On Security / ed. R. D. Lipschutz. New York: Columbia

- University Press, 1995. P. 46–87.
2. Barnes M. *Care in Everyday Life: An Ethic of Care in Practice*. Bristol: The Policy Press, 2012. 215 p.
 3. Ganz A. Emotions and Securitisation: A New Materialist Discourse Analysis // *European Journal of International Relations*. 2023. № 30 (2). P. 280–305. DOI: 10.1177/13540661221151038.
 4. Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: Sage Publications, 1992. 264 p.
 5. Бауман З. *Текущая современность* / пер. с англ. Ю. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
 6. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
 7. Меттини Э., Вигель Н. Л. Биовласть, биополитика, биоэтика: Государственный интерес (Raison d'État) и интересы человека в философии М. Фуко // *Дискурсы этики*. 2024. № 3–4. С. 27–76.
 8. Русаков С. С. Трёхуровневая концепция политической власти М. Фуко // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2016. Т. 17. № 1. С. 114–126.
 9. Каплун В. Перестать мыслить «власть» через «государство»: Gouvernamentalité, Governmentality Studies и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах // *Логос*. 2019. № 2 (129). С. 179–220.
 10. Agamben G. *State of Exception*. Chicago: University of Chicago Press, 2005. 96 p.
 11. Герасимов А. В. Феномен безопасности в социально-философском дискурсе // *Философская школа*. 2018. № 4. С. 23–31. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10411.
 12. Berardi “Bifo” F. *Precarious Rhapsody: Semiocapitalism and the Pathologies of the Post-Alpha Generation*. London: Minor Compositions, 2009. 156 p.
 13. Lyon D. *Surveillance Society: Monitoring Everyday Life*. Buckingham: Open University Press, 2001. 210 p.
 14. Dzhavad O. V., Ivleva M. L. The Phenomenon of Security: Socio-Philosophical Context // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. 2025. Т. 29. № 2. С. 267–281.

REFERENCES

1. Waever, O. (1995). Securitization and Desecuritization. In: *On Security*. New York: Columbia University Press, pp. 46–87.
2. Barnes, M. (2012). *Care in Everyday Life: An Ethic of Care in Practice*. Bristol: The Policy Press.
3. Ganz, A. (2023). Emotions and Securitisation: A New Materialist Discourse Analysis. In: *European Journal of International Relations*, 30 (2), 280–305. DOI: 10.1177/13540661221151038.
4. Beck, U. (1992). *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: Sage Publications.
5. Bauman, Z. (2008). *Liquid Modernity*. St. Petersburg: Piter publ. (in Russ.).
6. Foucault, M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Moscow: Ad Marginem publ. (in Russ.).
7. Mettini E. & Vigel, N. L. (2024), Biopower, Biopolitics, Bioethics: State Interest (Raison d'État) and Human Interests in the Philosophy of M. Foucault. In: *Discourses of Ethics*, 3–4, 27–76 (in Russ.).
8. Rusakov, S. S. M. Foucault's Three-Level Concept of Political Power. In: *South-Russian Journal of Social Sciences*, 17 (1), 114–126 (in Russ.).
9. Kaplun, V. (2019). Stop Thinking of “Power” Through “the State”: Gouvernamentalité, Governmentality Studies, and What Happened to Michel Foucault's Analytics of Power in Russian Translations. In: *Logos*, 2 (129), 179–220 (in Russ.).
10. Agamben, G. (2005). *State of Exception*. Chicago: University of Chicago Press, 2005.
11. Gerasimov, A. V. (2018). The Phenomenon of Security in Socio-Philosophical Discourse. In: *Philosophical School*, 4, 23–31. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10411 (in Russ.).
12. Berardi “Bifo”, F. (2009). *Precarious Rhapsody: Semiocapitalism and the Pathologies of the Post-Alpha Generation*. London: Minor Compositions publ.
13. Lyon, D. (2001). *Surveillance Society: Monitoring Everyday Life*. Buckingham: Open University Press.
14. Javad, O. V. & Ivleva, M. L. (2025). The Phenomenon of Security: Socio-Philosophical Context. In: *RUDN Journal of Philosophy*, 29 (2), 267–281.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Джавад Ольга Васильевна (г. Москва) – старший преподаватель кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
ORCID: 0000-0003-4498-0664; e-mail: dzhavad_ov@pfur.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Dzhavad (Moscow) – Senior Lecturer, Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
ORCID: 0000-0003-4498-0664; e-mail: dzhavad_ov@pfur.ru